

УДК. 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/57/10

С.Н. Оводова

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСА «ГЛОБАЛЬНОГО» И «ЛОКАЛЬНОГО» НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ¹

Выявляется трансформация методологии изучения культуры под влиянием дискурса «глобального» и «локального». Прослеживается связь дискурса «глобального» и «локального» и дискурсов постмодерна, постколониализма, дискурса постнеклассической рациональности, дискурса пространственного поворота. Сочетание указанных дискурсов повлекло за собой проблематизацию модели западной науки и актуализацию исследовательского интереса к системам дискурсивного, эпистемологического и социокультурного исключения.

Ключевые слова: культура, глобальное, локальное, постколониальные исследования, пространственный поворот.

В связи с тем, что теория и философия культуры не выработали универсального определения для понятия культуры, которое удовлетворяло бы большинство научных школ и исследовательских институтов, для выявления содержания понятия «культура» в определенный период можно обратиться к существующим методологиям исследования культуры. Методология исследования культуры не просто формирует исследовательскую программу и задает основные атрибуты понятия культуры, но и позволяет понять, что именно находится в фокусе внимания ученых, исследующих разные культурные практики.

Дискурс «глобального» и «локального» сегодня оказывает большое влияние на теорию и философию культуры, трансформирует культурную практику. Актуализация данного дискурса, помимо цифровой революции, политических и экономических глобальных тенденций, сопряжена с методологическими сдвигами, произошедшими в социально-гуманитарных науках. Можно проследить связь дискурса «глобального» и «локального» и дискурсов постмодерна, постколониализма, дискурса постнеклассической рациональности, дискурса пространственного поворота.

Диалектика дискурса «глобального» и «локального» и его отражение в современных философских концепциях культуры демонстрируют борьбу за возможность репрезентации в дискурсе своей пространственной локальной идентичности. Посредством дискурса происходит вписывание локальных смыслов в глобальные тренды. Дискурс «глобального» и «локального» одновременно демонстрирует отказ от пространственности и возвращение к пространственной локальной идентичности, жесткую привязанность культуры к смыслам территории и транзитную, сетевую, текучую идентичность.

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-6373.2018.6 «Дискурс „глобального“ и „локального“ в современных философских концепциях культуры».

Глобализм актуализирует локальность, универсализация и ускорение глобального мира порождают романтический интерес к локальным культурам, которые стараются сохранить именно в связи с осознанием глобализма как внешней рамки их существования. Специфика и ценность локального проступают именно на фоне и в контексте глобального. Отражение глобальных тенденций в национальной культурной политике или, напротив, противопоставление национального и глобального – это различные принципы конструирования концепций культуры, исходящие из различного понимания взаимосвязи глобального и локального. Дискурс «глобального» формировался вокруг экономической, политической и экологической проблематики, в связи с чем он был направлен либо на выявление общих угроз, либо на определение тенденций развития. И то и другое предполагает выработку единого пространства, в пределах которого необходимо договариваться. Однако принципы конструирования общего, «глобального» мира были поставлены под сомнение пространственным и постколониальным поворотами, произошедшими в социально-гуманитарных науках. Данные методологические сдвиги связаны с постмодернизмом и постнеклассическим типом рациональности и философствования.

В статье будет проанализировано, как дискурсы постмодерна, постколониализма, дискурс постнеклассической рациональности и дискурс пространственного поворота, переосмысляя глобальные и локальные феномены в современной культуре, трансформировали методологию теории и философии культуры.

В постнеклассической рациональности происходит изменение отношения к субъекту и объекту, возникает понимание зависимости объекта от ценностных установок субъекта, а также от выбранной методологии постижения объекта: «Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями» [1. С. 122]. Наука и ее методология уже не мыслятся оторванными от социокультурного, экономического и политического контекста; наоборот, признается влияние социального контекста на науку. Идеи, сформулированные в рамках постнеклассической рациональности, созвучны положениям постколониальных исследований, которые также акцентируют внимание на идеологической ангажированности науки: «В этом смысле Восток – это не только ментальный конструкт западной ориенталистской традиции, но и в прямом смысле ее порождение. В определенный момент их взаимной истории Запад в буквальном смысле лепил предмет своего изучения / освоения. Послевоенный Восток в значительной мере оказывается артефактом Запада, который тот создает в своих целях и в соответствии со своими представлениями о правильном пути не только политико-экономического, но и культурного развития» [2. С. 30]. Осознание конструируемости объекта исследования привело к рефлексии о собственных предпосылках познания. В постколониальных исследованиях заостряется внимание на условности востоковедения, признается, что изучаемый образ Востока создан Западом. Постколониальные исследования фиксировали наличие колониального подхода в западной науке и отмечали обусловленность восприятия локальности (Востока) посредством использо-

вания интеллектуальных конструкторов, которые делают легитимным политическое и экономическое доминирование Запада [3]. Постнеклассический тип рациональности выходит на уровень осмысления науки как глобального феномена, но и постколониальные исследования акцентируют обусловленность науки глобальными трендами. Развивая идеи постколониальных исследователей, представители деколониального поворота обращают внимание на то, что колониализм как факт истории остался в прошлом, однако колониальность как схема мышления продолжает утверждать доминирование и подчинение на уровне интеллектуальных конструкций. Данные конструкции признаются универсальными, глобальными, но, как отмечают представители деколониального поворота, на самом деле являются порождением западной науки: «Деколониальный поворот отказывается от универсализма постколониальных штудий, которые свой локальный англо-французский опыт выдают за «путешествующую теорию»... Они воспроизводят колониальность знания, т.е. глобальную систему продуцирования, легитимации и распространения знания, существующую вот уже пять столетий и прочно связанную с возникновением и изменениями современного / колониального мира» [4]. Критика со стороны представителей деколониального поворота по отношению к постколониальным исследователям заключается в том, что они указывают на наличие доминирования и подчинения как в социокультурной реальности, так и в науке, однако сами используют язык и интеллектуальные схемы западной науки, тем самым воспроизводя существующие схемы доминирования и подчинения. Локальные проблемы оказываются осмысляемыми, не исходя из собственного языка, а сквозь призму доминирующих дискурсов.

Подчеркивая необходимость отказа от позиций доминирования и подчинения как в социокультурной практике, так и в науке, представители деколониального поворота намеренно отказываются от использования в наименовании своего интеллектуального направления слова *studies*. Такое решение обосновано тем, что, продолжая воспроизводить схему «субъект–объект», ученые воспроизводят модель доминирования и подчинения, где субъект, опираясь на западную науку, подчиняет себе объект: «Постколониальные исследования не формулируют так свою задачу, потому что они остаются именно *исследованиями*, они ограничены рамками современного деления на субъект (который исследует) и объект (который исследуется) и сводят научные изыскания к применению высокой западной теории к локальному материалу» [Там же]. Использование постколониального подхода вкупе с деколониальной оптикой позволяет нам расширить теоретический контекст исследования и задать вопрос о позициях субъекта и объекта в социокультурных исследованиях. Положения, высказываемые представителями деколониального поворота, ставят под сомнение модель науки и модель глобального мира, и то и другое признается лишь феноменом западного мира. Однако такая критическая позиция может быть сама поставлена под вопрос, ибо становится непонятным, как осуществлять исследование. Как говорить о системе научного познания и что принимать за таковое? Как, изучая локальное, не выходить на уровень глобальных обобщений, не использовать уже выработанные в языке науки привычные категории? Как описывать локальное, на каком языке и в каких понятиях? Каждый раз вырабатывать альтерна-

тивный универсальному язык описания опыта, который был пережит человеком в контексте локального?

Примером критики западной модели науки является осуществленная Э.В. де Кастру деконструкция антропологии и ее основных установок как научной дисциплины. Как отмечает Кастру, классическая антропология исходит исключительно из колониального взгляда, который обращает европейский человек на Другого: «сам вопрос уже содержит в себе форму ответа, а именно форму Великого Разделения, того самого жеста исключения, который превращает человека как вид в биологическое подобие антропологического Запада, смешивая все другие виды и другие народы в общей отрицательной инаковости. В действительности спрашивать себя о том, что делает „нас“ отличными от „других“ – других видов и культур, и неважно, что „они“ собой представляют, поскольку важны тут только „мы“, – значит уже ответить на этот вопрос» [5. С. 12]. Пересмотр методологии антропологии влечет за собой осознание множественности возможных точек, исходя из которых может быть построена перспектива мира и культуры.

Постулируемый деколониальными исследователями отказ от иерархичных структур представляет собой развитие идей постколониальных исследований, где осуществлялась критика идеи империи и реальных имперских практик. Постколониальные исследователи, в свою очередь, развивают идеи постмодерна о ризоматичности, децентрализации, детерриторизации, номадологии, а также продолжают критику бинарной оппозиции центр–периферия. На становление постколониального дискурса оказали влияние философы постмодерна (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари), что проявляется в деконструкции идеи центра и доминанты и во внимании исследователей к маргинальным, периферийным практикам и культурам. Такой подход приводит к отказу от выстраивания иерархий в теории и философии культуры, пространство начинает рассматриваться как транзитное, находящееся в становлении.

На становление данной проблематики, по нашему мнению, в том числе оказал влияние и пространственный поворот в социально-гуманитарных науках, который также является порождением дискурса постмодерна. Теория и философия культуры претерпевают дискурсивное насыщение пространственными метафорами, а также привнесением в поле анализа акцентов о производстве и развитии пространства [6]. Пространственный поворот детерминирован как социокультурными процессами, так и интеллектуальной постмодернистской рефлексией, предлагающей отказаться от рассмотрения культуры посредством обращения к категории времени, которая была актуальна в модерне. «Устранение международных блоков оказалось важнейшей движущей силой для поворота к пространству. Снятие пространственно-политической полярности сместило всю пространственную организацию мира, перекроив его карту, и обусловило новый пространственный фокус в сфере политики безопасности и соответствующих стратегий гегемонистского господства. Смещение Центральной Европы на Восток еще в середине 1980-х гг. на концептуальном уровне форсировал центральноевропейский критический дискурс, за которым последовал и самый главный прорыв – открытие границ. Соответствующая экспансия капиталистических рынков в переосмысленные пространства способствовала экономической глобализации, которая все больше оказывалась новой пространственной конструкцией. Исходной точ-

кой служила идея, что глобальные тенденции больше неподвластны индивидуальным национально-государственным акторам, но формируются определенной конфигурацией взаимозависимостей и связей. Создание сетевых структур и связей как свойство глобализации делает пространственную перспективу неизбежной. Категория времени, сопряженная с европейской идеологией эволюционного развития и ее концепцией истории прогресса, уже в любом случае неспособна охватить такие явления глобальной одновременноности и пространственно-политические связи между первым и третьим миром» [7. С. 341–342]. Обращение к категории пространства в связи с формированием глобального мира предполагает осуществление ревизии целого ряда категорий и понятий, например таких, как «граница», «Другой», «диалог культур», «локальная идентичность» и т.п.

Рефлексия над дискурсом «глобального» и «локального» привела к изменению методологических установок в теории и философии культуры, но и осмысление концептов «глобального» и «локального» в рамках дискурса постмодерна, пространственного и постколониального поворотов значительно трансформировало представления о локальности и глобальности. Локальное понимается теперь не только как нечто, связанное с конкретным пространством, происходит отход от географического детерминизма. Глобальные и локальные (региональные) культурные процессы осмысляются с позиций властного и символического подчинения, «жестких» и «текучих» пространственных идентичностей.

Основные научные результаты проведенного исследования заключаются в установлении взаимообуславливающей связи между феноменами, выраженными в понятиях «глобального» и «локального». На фоне «глобального», «универсального», «стандартизированного» более самобытным видится «локальное». Вместе с «глобальным» в эпоху модерна формируется и «локальное» в качестве отдельного понятия, подлежащего философской и культурологической рефлексии. Процессы глобализации порождают интерес к локальному, региональному, уникальному, – всему тому, что не вписывается в унифицированный проект единого глобального мира.

Темпы развития культуры в эпоху модерна породили ностальгию по локальному, которое начинает осознаваться своими носителями как нечто самобытное именно в столкновении с глобальным. Постоянно увеличивающаяся скорость изменений культуры вызывает желание зафиксировать состояние мира, что проявляется в консервации отдельно взятой локальности, связанности культуры с региональными контекстами. Локальная культура начинает себя фиксировать в материальной культуре, в предметах культурной памяти, в местах памяти. Этот процесс схож с тем, как ирония постмодерна породила феномен ностальгии о подлинности в метамодерне.

Переосмысление концептов границы, Другого, локальных (и локализованных) идентичностей, по нашему мнению, побудило исследовательский интерес к системам дискурсивного, эпистемологического и социокультурного исключения. В современных исследованиях культуры ведутся методологические поиски, связанные с разработкой подходов и языка анализа феноменов культуры, ранее исключаемых из области научного осмысления.

Носители иного культурного и социального опыта, не укладывающегося в общепризнанные рамки, были «невидимыми» для эпистемологических и

дискурсивных систем, были исключены из поля зрения дисциплин. Данные сообщества с их исконной идентичностью и практиками поведения неинтересны обществу, что влечет за собой полное «выпадение» из культуры, эти сообщества оказываются «не видны» (излишне локальны), а реальные формы их самосознания не репрезентированы. Однако, несмотря на их «невидимость», это не говорит об их отсутствии в реальном культурном пространстве. Критика модели современности как западной доминантной модели актуализировала опыт иных, Других, ранее исключаемых из дискурса культур и социальных групп. Данные трансформации подходов в теории и философии культуры можно проследить в появлении *trauma studies* [8], *memory studies* [9], постколониального подхода, деколониального поворота, постмодернизма, метамодернизма [10]. Указанные направления и подходы в теории и философии культуры представляют собой критику модерна и демонстрируют реакцию в интеллектуальной среде на кризис имперского восприятия пространства как вертикали власти, подчинения и подавления, дисциплинарного пространства. Постколониальный и деколониальный повороты, *trauma studies* и *memory studies*, постмодернизм и метамодернизм оказали влияние на весь комплекс социально-гуманитарных наук (литературоведение, философию, культурологию, историю, социологию, искусствоведение, политологию, антропологию и т.д.), трансформировали методологию изучения социально-гуманитарных наук и расширили поле изучаемых объектов. Постмодернизм обращается к маргинальным и периферийным смыслам в культуре, постколониальные исследования начинают искать подходы для анализа идентичностей «угнетенных» и «подчиненных» (*subaltern*), *trauma studies* и *memory studies* обращаются к опыту «травмированных»; таким образом, происходит поиск адекватных языков анализа данных явлений.

Проблема осмысления практик социокультурного исключения состоит в том, что данные феномены культуры либо стигматизируются, либо коммодифицируются и превращаются в зрелище, т.е. обычные системы работы с данными феноменами представляют собой репрезентацию этих смыслов как шока или как шоу.

Дискурс говорящих множеств возможен в описании и демонстрации только при отказе от примата субъекта над объектом, наделения фоновых процессов статусом говорящего о себе субъекта на том языке, на котором он хочет говорить, а не на котором его хотят услышать. Это подразумевает методологическую ревизию, о необходимости которой заявляет В.С. Степин, манифестируя постнеклассическую рациональность. В эпоху принципиальной эпистемологической и этической безосновности глобального мира, когда ни одна социальная, культурная, политическая теория уже не претендует на статус универсальной и все объясняющей, как раз фоновое пространство культуры, куда были вытеснены и где были маргинализированы утратившие актуальность дискурсивные практики, где возникали свои культурные смыслы, проговариваемые на языке субалтернов, рождает новации, способные вновь консолидировать современную культуру.

Литература

1. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники : учеб. пособие. М. : Контакт Альфа, 1995. 377 с.

2. Говорунов А.В., Кузьменко О.П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 26–43.
3. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский Мир, 2016. 672 с.
4. Тлостанова М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизма // Человек и культура. 2012. № 1. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html (дата обращения: 01.11.2019).
5. Кастру Э.В. де Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
6. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka press, 2015. 432 с.
7. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 504 с.
8. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
9. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
10. ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М. : РИПОЛ классик, 2019. 494 с.

Svetlana N. Ovodova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 57. pp. 100–107.

DOI: 10.17223/1998863X/57/10

THE INFLUENCE OF THE DISCOURSE OF “GLOBAL” AND “LOCAL” ON METHODOLOGICAL CHANGES IN THE THEORY AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Keywords: culture; global; local; postcolonial studies; spatial turn.

The article reveals the influence of the discourse of “global” and “local” on the transformation of the methodology of studying culture. The connection between the discourse of “global” and “local” and the discourses of postmodernism, postcolonial studies, the discourse of post-non-classical rationality, the discourse of spatial turn is traced. The combination of these discourses entailed the problematization of the model of European science, the rethinking of the phenomena of domination and submission, the actualization of research interest in systems of discursive, epistemological, and cultural exclusion. The main scientific results of the study are establishing the mutual influence of the phenomena of “global” and “local”. “Local” is seen as original against the backdrop of “global”, “universal”, “standardized”. The concepts “global” and “local” are formed in the modern era. The processes of globalization generate interest in the local, regional, unique—all this does not fit into the unified project of a single global world. Postcolonial studies and the decolonial turn criticize colonial thinking patterns that reproduce dominance and subalternism in science and in cultural reality. The discourse of plurality becomes possible only with the failure of supremacy and domination of the subject over the object. It is necessary to allow the subaltern to speak the language he wants to speak, and not the language he wants to hear. Manifesting a post-non-classical rationality, Vyacheslav Styopin states the need to conduct a methodological audit. In the modern era, no social, cultural, political theory claims to be universal and explaining everything. The global world does not have common ethical foundations. Marginal discursive practices were supplanted into the background space of culture and recognized as no longer relevant. However, the background space of culture creates innovations and is able to re-consolidate modern culture.

References

1. Stepin, V.S., Gorokhov, V.G. & Rozov, M.A. (1995) *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Moscow: Kontakt Al'fa.
2. Govorunov, A.V. & Kuzmenko, O.P. (2013) Orientalism and a Right to Speak for an Other. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 2(11). pp. 26–43. (In Russian).
3. Said, E. (2016) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the Orient]. Translated from English. St. Petersburg: Russkiy Mir.
4. Tlostanova, M.V. (2012) Postcolonial Theory, Decolonial Choice and Liberating Esthesis. *Chelovek i kul'tura – Man and Culture*. 1. pp. 1–64. (In Russian). DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141.

5. Castro, E.V. de (2017) *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoy antropologii* [Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology]. Translated by D. Kralechkin. Moscow: Ad Marginem Press.
6. Lefebvre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Strelka press.
7. Bachmann-Medic, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Turns. New Orientations in the Study of Culture]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Alexander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 5–40.
9. Assman, A. (2019) *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. van den Akker, R. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth]. Translated from German by V.M. Lipka. Moscow: RIPOL klassik.